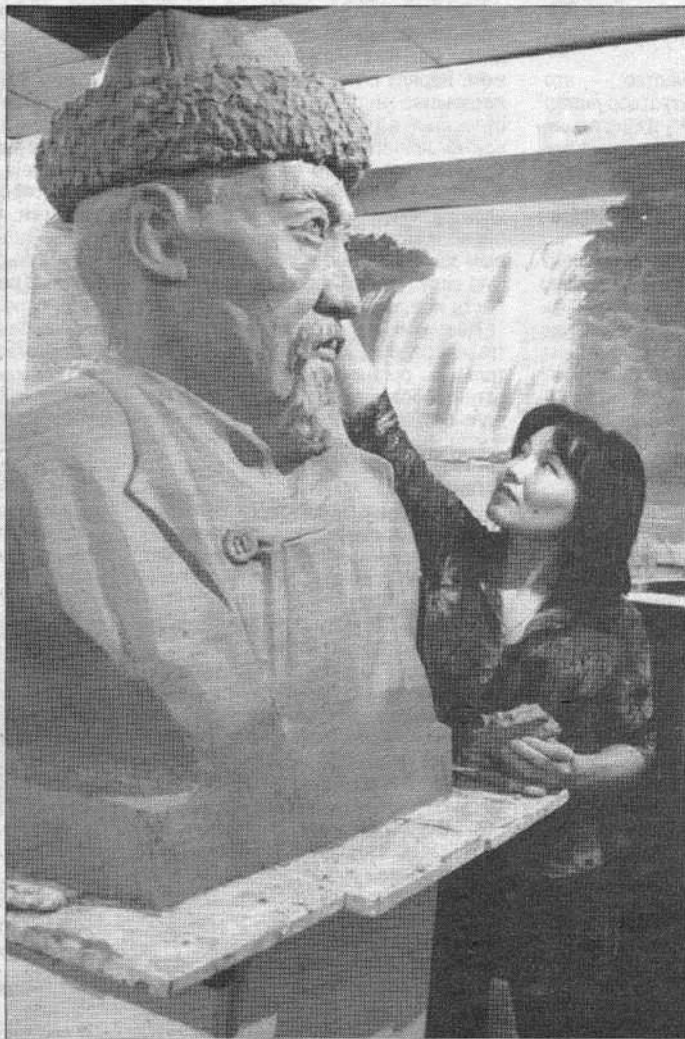

Знать в лицо

Под самый занавес лета состоялось торжественное открытие последнего из четверки памятников деятелям культуры — Ауэзову, Абаю, Торайгырову, Беркимбаеву, — решение об установке которых было принято нынешней весной. Теперь и на улице Беркимбаева есть бюст человека, давшего ей имя — нашего земляка, уроженца Акколя, поэта и композитора, автора бессмертной «Хорлан» Естай Беркимбаева.

Нынешнее мероприятие получилось особенно теплым и «домашним» — на открытие приехали родственники акына из Акколя и Краснокутска, среди которых была и внучка (теперь сама уже бабушка), росшая в доме своего знаменитого деда. Они-то и развеяли тревоги авторов, Баян Кайнышевой и Акертиса Солтанбаева — в скульптурном варианте Естай получился точь-в-точь таким, каким его запомнили при жизни.

Естай (именно под этим именем знали композитора в степи, присовокупление еще и фамилии — дань более поздним временам) родился в 1874 году. Рос мальчик в артистической, как теперь сказали бы, среде — его мать Кулипа и дядя Байтулым были известными на всю округу певцами. У них Естай перенял манеру исполнения жыров, дастанов и толгау, в 16 лет уже стал известен как талантливый исполнитель народных песен. А потом стал сочинять и сам. Его произведения «Жай коныр», «Нар коныр», «Мой коныр», «Сон

имени Жургенева. Возможно, если бы не семейные обстоятельства, Акертис никогда бы не покинул южную столицу (все-таки наличие среды и процесса очень важно для художника), а выставочный зал экибастузского музея не заполучил бы в свои сотрудники профессионала.

Художники во все времена зависели от меценатов и заказчиков. Вот и эти скульптурные работы вряд ли когда появились бы на свет, если бы не заказ городских властей, которые озаботились просветительскими целями. На этот раз, к счастью, сведение воедино интересов государства и культуры привело к неплохому художественному результату (что, увы, в нашем шахтерско-энергетическом городке случается не всегда, чему пример некоторые иные монументального искусства, не будем указывать пальцами). Предложение акима показалось Баян слишком серьезным, чтобы браться за его

выполнение с бухты-барахты. Начала, как водится у казахов, с бата (благословения уважаемых людей):

— Я поехала к павлодарским скульпторам. Бота Машрамов и мой учитель Владимир Ефремов (он не только хороший художник, но и замечательный, очень понимающий человек, преподаватель ПАУ) одобрили и дали кое-какие практические советы. Вернувшись, я обратилась к Акертису с предложением поработать над проектом вместе. Он согласился.

— И как вы распределяли работу? Он рисовал эскизы, вы лепили?

— Какого-то специального распределения у нас не было, мы все делали совместно. Он указывал на мои ошибки, я кое-что говорила ему. Но до конфликтов не доходило никогда, наверное, мы гармонично дополняли друг друга. Акертис мне тоже потом сказал, что со мной было легко работать. Очень помогал мой муж Рашид — ходил по библиотекам, искал нужную литературу, портреты, фотографии, исторические сведения. Да он вообще мой постоянный тыл и опора...

и сам. Его произведения "Жай коныр", "Наз коныр", "Майда коныр", "Сандугаш", "Еркем", "Гульнар" до сих пор популярны и среди профессиональных артистов, и в народе. Но самую широкую известность Естаю принесла песня "Хорлан". Ее мелодию профессиональные композиторы не раз включали в свои произведения – звучит она в операх "Биржан и Сара" Тулебаева, "Ер Таргын" Брусиловского, в концертах для кобызы с оркестром Шабельского и Шаргородского. Это история из серии, «если б вся любовь была счастливой, не было бы песен о любви» — «Хорлан» посвящена безнадежной любви акына, которая тоже отвечала поэту взаимностью, но была, увы, уже про-сватана.

Эти памятники – первые большие работы нашего местного скульптора Баян Кайнышевой, лауреата конкурса «Шабит» и форума «Окрыленная женщина». Выполнялись они, как мы уже говорили, в соавторстве с профессиональным живописцем Акертисом Солтанбаевым. Акертис родом из Баянаула, в 13-летнем возрасте был увезен в Алматы, в школу-интернат Алматинского художественного училища (как это ни странно, оказывается, традиции поиска по аулам талантливых детей не прерывались даже в «лихие девяностые»), закончил эту школу, затем училище, а затем и Академию искусств

вообще мой постоянный тыл и опора...

В феврале начали работу, и в конце апреля все четыре памятника были уже готовы (нам ставили срок до 1 мая). Были, конечно, проблемы, но обычные, творческого, так сказать, характера. Особенно сложно было с бюстом Абая – на всех портретах он разный, а фотографических, сделанных при жизни, нашли всего два. Выбрали образ, наиболее знакомый народу. Кстати, памятник Торайгырову у нас тоже более хрестоматийный, чем, скажем, тот, что стоит в Павлодаре. Это был осознанный выбор, поскольку цель заказчика была сделать образы людей, именами которых названы наши улицы и школы, узнаваемыми.

— Похоже, с вас начинается династия – насколько я знаю, конкурс на проект ротонды, призванной увековечить экибастузские гиннесс-рекорды, выиграл ваш сын...

— Да, я очень рада, что наш Касымхан тоже вносит свою лепту в украшение родного города. Он учится на 3 курсе архитектурного факультета в Астане, и это первая его большая работа.

— А у вас у самой каковы дальнейшие творческие планы?

— Знаете, возле роддома у нас большой пустырь. А ведь это очень важное место для любого города. Мне бы хотелось изваять скульптуру «Мать и дитя». Она там была бы очень на месте, ведь правда?

А. БУКЕЕВА.

На снимке В. ФАДЕЕВА: Баян и Естай: последние штрихи.